

▼ Из детских воспоминаний о войне

Как мы жили в оккупации

Во время войны моя семья оказалась в Голосновском районе Воронежской области. Изредка здесь проходили небольшие группы военных, сплошной полосой двигались беженцы. Люди шли пешком, везли телеги с вещами. В толпе встречались раненые. Красноармейцы катили ручную пушки, в основном, 45 мм, противотанковые. Солдаты шли с противотанковыми ружьями. Одно ружьё приходилось носить двоим. Катили самолёты, иногда в кабинках сидели раненые лётчики. С Украины гнали овец, коров, чтобы они не достались немцам. Табунами бродили лошади, практически все с дефектами: хромые, раненые, со сбитой холкой, доходяги. Они никого не интересовали. Своих коров некоторые люди меняли на лучших из эвакуированных. В небе появлялись наши самолёты с пробоинами после небесных схваток. Они еле держались в воздухе. Видели мы и воздушные бои, чаще немцы гнались за нашими. Тогда летали низко, примерно на высоте 50 метров. Немецкие лётчики в больших, необычных очках, очень деловитые, строчили из пулемётов длинными очередями. Мы всё видели и переживали.

Ново-Марковка находилась в большой ложине длиной до 20 км, шириной 3 км. В нижней части была заболоченная низменность. Многочисленные родники подпитывали её. Это были истоки левой Богучарки, впадающей в Дон. По обе стороны речки находились колхозы. С одной стороны – колхоз им. Ворошилова, с другой – имени 17-го партсъезда.

Моими ближайшими соседями были Колодяжные и Тертеевы (дети Павлик и Вася). Павлик несколько старше, постоянно шефствовал надо мной, а Вася – соперничал. Быстро подружились, начались весёлые игры. Играли

в лапту, догонялки, прятки. У каждого мальчика был свой конь. Мальчики ухаживали за конями, ездили верхом. Достался и мне огромный тяжеловоз, на правом бедре – резаная рана, нанесённая, видимо, шашкой. Рана уже заживала. Конь был добрым. Я ему не доставал до колена, ребята каким-то путём сажали меня ему на спину, а спина – широкая, я по ней ходил туда-сюда. Так продолжалось довольно долго. Дней за 5-6 до прихода немцев беженцев не стало, дорога опустела.

Снабжения не было никакого. Про соль, сахар, спички все забыли. Жили за счёт приусадебных участков, они были большие – 40 сотых гектара. У бабушки был большой сад – 20 яблонь, вишня, слива, груша. Сажали картофель, тыкву, свёклу, капусту, морковь, помидоры, огурцы. Хорошо росла кукуруза. Она спасала людей от голода. Сразу по приезду мы посадили огород. Сажал и я с бабушкой. Так с 1942 года началась моя трудовая деятельность...

В конце июня пронесся слух – придут немцы. Все боялись. Соседи собрались вместе, почему-то на бугре. Беспощадно кусали комары. В 3 часа ночи на большой дороге появилось движение, немцы ехали на машинах, мотоциклах. Раздалось три каких-то взрыва, все бросились по домам. Оккупантов много, больше всего итальянцев. Встречались финны, мадьяры, чехи. Самых немцев не так уж много. Вели себя по-хозяйски, ни с кем не общались (вроде бы, не замечали). В Кантемировке разместились штаб. Сразу же назначили старост, полицейских, провели сходку жителей. При этом, объявили на многое запрет, за нарушение – расстрел. Других наказаний не предусматривалось. Так началось наше новое существование.

По дворам сразу же пошли шайки мародёров: «Матка, яйца, млеко!» Одна толпа пройдёт, следом – другая, опять «млеко, яйца». Особенно страшными были финны: если нет продуктов, сразу скидывают винтовку, готовы

стрелять. Бабушку один раз спас сосед Боря. Когда он увидел, что финн вскинул винтовку, то забежал вперёд и показывает куриные яйца в обеих руках. Финн бросил бабушку, кинулся к Боре. Мы, дети, очень боялись, особенно сестрёнка Клара при виде немцев кричала от страха.

По нижней дороге проходили пленные. Шли по 4 человека в колонне, по 40-50 в группе. Спереди и сзади ехали по одному немцу на велосипедах с автоматами на шее. На другом конце Ново-Марковки организовали концлагерь. Здесь собирали пленных. По прибытии новую партию выстраивали в линейку. Немец спрашивал: «Юде? Коммунист? Шаг вперёд». Их тут же расстреливали. Остальных помещали за колючую проволоку. Интересно, что попадались иногда местные жители, их отпускали за определённый выкуп. Некоторые женщины выкупали себе мужей (якобы). Можно было и убежать. Пленные прятались в бурьянах, часто тайком ходили по дворам. Жители им помогали едой.

Уже по небольшому снегу бежали мы с ребятами по замёрзшему болоту и вдруг видим – едет наш танк Т-34 с красной звездой, за ним – ещё, ещё. Сначала мы их считали, потом и счёт потеряли. Танки шли всю ночь. Затем опять затишье. Где-то в декабре, ясным солнечным днём едет несколько саней по речке, с красноармейцами. Они – в белых полушубках, в валенках, краснозвёздные. «Наши пришли! Наши пришли!» Все радуются, плачут. Это были разведчики, первые ласточки. Затем военных появилось много. В 7 км от нас серьёзно укрепились немцы, бои шли недели две. Стреляли день и ночь, ну просто непрерывно. Пулемёты, автоматы: немецкие, русские. Мы быстро научились по звукам различать, где наши, где немцы. Стреляли пушки. Одна противотанковая пушка размещалась у нас на огороде, но не стреляла. Через три дня уехала вперёд. От нас уходили в бой солдаты, прощались друг с другом, и не зря, многие из них погибли. Население мобилизовали для захоронения погибших. Со слов местных жителей, погибших было, «как снопов в поле». Сколько погибло немцев, не знаю. По дороге шли потихоньку легкораненые, тяжёлых везли на санях.

К началу февраля оборона немцев была сломлена, и линия фронта откатилась дальше на запад, но не очень далеко. В селе размещались солдаты. Зима была суровая. Бабушка постоянно топила печь, сушила валенки солдатам, чему они были очень рады, приносили дрова для печи. Спали на полу, в шинелях, один к одному, лишь бы согреться.

Так началось освобождение территории от немцев.

Валерий КУЦЕРУБОВ.